

А.И. Пономарев

Речь пред защитой магистерской
диссертации "Собеседования
св. Григория Великого о загробной
жизни"

Опубликовано:

Христианское чтение. 1887. № 1-2. С. 214-228.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Рѣчь, передъ защитой диссертации на степень магистра: „Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни“,

произнесенная и. д. доцента с.-петербургской д. академіи А. Пономаревыхъ
16 ноября 1886 г.

Преосвященнѣйшіе Архипастыри
и Милостивые Государи!

По окончаніи курса, я былъ оставленъ при академіи въ качествѣ преподавателя такого предмета, который до той поры со-всѣмъ неизвѣстенъ былъ въ общемъ курсѣ академическихъ наукъ, предметъ этотъ—„Обзоръ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ“, или точнѣе—исторіи западныхъ европейскихъ литературъ, средневѣковой и новѣйшихъ временъ. Пришлось учиться, и прежде всего изучать нѣкоторые изъ такихъ европейскихъ языковъ, для которыхъ на русскомъ тогда еще буквально не существовало ни грамматики, ни словаря, какъ, напримѣръ, для языка итальянскаго. Но это еще не важно и не представляло особеннаго затрудненія, гораздо важнѣе—приходилось сразу же преподавать такой небогословскій предметъ, для котораго, при всей его обширности и богатствѣ отдѣльныхъ монографическихъ изслѣдованій, не было не только на русскомъ, но и на другихъ языкахъ ни определенной программы, ни руководящихъ, систематически обработанныхъ пособій и который и въ университетахъ нашихъ только что начиналъ получать нѣкоторую опредѣленную постановку. И вотъ, въ это время, спустя годъ по окончаніи курса, великимъ счастьемъ для меня было, что мнѣ представилась возможность слушать лекціи проф. здѣшняго университета и академика А. Н. Веселовскаго, пользующагося вполне заслуженною европейской извѣст-

постію въ той спеціальности, къ которой относятся и мои спеціальныя занятія, — слушать прежде всего рядъ его лекцій, посвященныхъ изученію „Вожественной Комедіи“ великаго итальянскаго поэта-теолога Данте, въ связи съ общей средневѣковой литературой и съ литературой эпохи возрожденія. Величавый образъ Данте, мастерски представленный въ этихъ лекціяхъ, съ тѣхъ поръ не покидалъ меня, заставилъ ближе и ближе ознакомиться съ его знаменитой трилогіей — эпопеей загробной судьбы человѣка и незамѣтно ввелъ меня въ ту сокращеннѣйшую область богословскаго знанія, изъ которой самъ онъ бралъ мысли и отдѣльныя черты для своихъ живописныхъ, высокохудожественныхъ изображеній, и которая извѣстна въ богословской наукѣ подъ особымъ названіемъ *эсхатологии* — ученія о конечныхъ, потустороннихъ вещахъ въ судьбѣ міра и человѣка. Результатомъ моихъ занятій въ этой области и служить представленная мною работа, посвященная изслѣдованію „Собесѣдованій“ св. Григорія Великаго. Это святоотеческое твореніе, въ большей своей части — въ трехъ первыхъ книгахъ — принадлежитъ агиологии или агиографіи, представляетъ собою то, что на востокѣ, а затѣмъ и на западѣ было извѣстно подъ названіемъ патериковъ и только въ своей послѣдней — четвертой книгѣ — содержитъ рассказы о переходѣ человѣка въ загробную жизнь и о жизни за гробомъ и, слѣдовательно, собственно въ этой только книгѣ относится къ области эсхатологии. Взятое въ цѣломъ, оно столько же важно само по себѣ и въ отношеніяхъ къ ученію и личности св. Григорія Великаго, сколько съ одной стороны, въ его отношеніяхъ и въ связи съ древнехристіанской агиологіей и агиологической эсхатологіей, и съ другой, по его церковно-литературному значенію, въ средніе вѣка. Съ этихъ именно сторонъ я старался освѣтить это произведеніе своимъ изслѣдованіемъ, ставя на первомъ планѣ находящіеся въ немъ эсхатологическіе рассказы. Изслѣдуя послѣдніе, естественнымъ образомъ я долженъ былъ коснуться и общаго ученія св. Григорія Великаго о загробной жизни, насколько можно въ цѣльномъ видѣ возстановить его по разнымъ его твореніямъ и насколько оно проходитъ и по сообщаемымъ имъ эсхатологическимъ сказаніямъ въ „Собесѣдованіяхъ“, долженъ

былъ коснуться его общаго богословскаго ученія „о конечныхъ вещахъ“ и при этомъ неизбежно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми важнѣйшими вопросами чисто догматическаго характера. Эсхатологія въ общей цѣли христіанскаго богословскаго умозрѣнія представляетъ лишь послѣднее заключительное звѣно, и всѣ важнѣйшіе вопросы, подлежащіе ея разсмотрѣнію—о смерти и безсмертіи, о жизни души за гробомъ, о загробныхъ мученіяхъ и о блаженствѣ, о концѣ всего міра, о всеобщемъ воскресеніи и о послѣднемъ страшномъ судѣ — всѣ эти вопросы до такой степени тѣсно связаны съ кардинальнѣйшими пунктами всякаго богословствованія—съ ученіемъ о созданіи міра, о грѣхопаденіи, объ искупленіи и благодати, что только въ связи съ ними и подъ ихъ освѣщеніемъ они получаютъ для вѣрующей мысли свое опредѣленное разрѣшеніе, какъ въ свою очередь и всякое цѣльное богословское міросозерцаніе въ такой или иной постановкѣ и въ разрѣшеніи вопросовъ эсхатологическихъ должно искать и находить для себя опору и свою высшую цѣль... Поэтому-то вопросы эсхатологическіе въ ученіи почти всѣхъ отцовъ и учителей церкви, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ,—поэтому-то, съ другой стороны, изслѣдуя какой нибудь вопросъ христ. эсхатологіи, по твореніямъ того или другого отца церкви, или изучая какое-нибудь специально эсхатологическое произведеніе всегда, въ концѣ концовъ, до известной степени полное разрѣшеніе и освѣщеніе всѣхъ затронутыхъ въ такихъ случаяхъ частныхъ проблемъ эсхатологіи, а въ ней ихъ такъ много, можно находить только при соображеніи какъ общаго ученія по указаннымъ кардинальнымъ вопросамъ христ. богословствованія, кому изучаемый памятникъ принадлежитъ, такъ и тѣхъ частныхъ характернѣйшихъ особенностей, которыя отличаютъ его ученіе по этимъ вопросамъ—по вопросамъ о грѣхопаденіи, объ искупленіи и пр. Я сознавалъ важность этого требованія и въ отношеніи того эсхатологическаго памятника, который подлежалъ моему изученію, но удовлетворить этому требованію во всей широтѣ я не рѣшился, а это и несомнѣннѣе съ моей задачей.

Прежде, при знакомствѣ съ твореніями Григорія Великаго и

руководясь хотя бы, напр., Wiggers'омъ или Лап, не трудно было представленное мною въ 1 гл. сочиненіи общее ученіе Григорія Великаго о загробной жизни поставить въ связь съ нѣкоторыми выдающимися пунктами его догматическаго ученія о созданіи чело-вѣка, о грѣхопадении, объ искупленіи и о благодати. Но эти яко бы и „выдающіеся пункты“ его догматики, по сознанію даже та-кихъ ученыхъ богослововъ, какъ только что названные мною, столь неясно и неопредѣленно ставятся въ его твореніяхъ, что трудно свести ихъ къ опредѣленнымъ положеніямъ и что только въ связи съ ученіемъ блаженнаго Августина, подъ вліяніемъ кото-раго сложилось его богословствованіе, можно отыскать для нихъ нѣкоторое разъясненіе, изъ бл. Августина восполняя недостающія звѣнья въ его изложеніи. Требовалась, слѣдовательно, специальная и, пожалуй, еще и не одна работа, въ которой къ тому же наиболь-шую долю труда пришлось бы удѣлить бл. Августину, чтобы въ силу этого имѣть возможность и право представить въ полномъ догматическомъ освѣщеніи всю эсхатологію Григорія Великаго и за-тѣмъ уже разъяснять ею тотъ отдѣльный памятникъ, который былъ избранъ мною для историко-литературнаго изученія. Но въ такомъ случаѣ, мнѣ пришлось бы если не совсѣмъ забыть о его „Собесѣдованіяхъ“, то ужъ конечно рѣшительно отказаться отъ той задачи, какую я ставилъ при ихъ изученіи, тѣмъ болѣе, что въ указанномъ случаѣ, ни въ вопросахъ догматическаго характера, ни въ отношеніяхъ послѣднихъ къ эсхатологіи отцовъ западной церкви и въ частности къ эсхатологіи бл. Августина и Григорія Великаго наша православная богословская наука пока еще не имѣ-етъ рѣшительно никакихъ руководящихъ или вспомогательныхъ ра-ботъ, да и не будетъ имѣть до тѣхъ поръ, пока не обогатится детальнѣйшими монографическими изслѣдованіями какъ отдѣль-ныхъ памятниковъ святоотеческой и церковной литературы, такъ и частныхъ вопросовъ историко-богословскаго знанія. Западная бого-словская наука католическая, какъ и протестантская, именно и богата такими изслѣдованіями, почему тамъ всякая болѣе или ме-нѣе самостоятельная, до извѣстной степени, всесторонне-исчерпываю-щая богословская работа не представляетъ такихъ подъ часъ непре-

одолимыхъ трудностей, какъ у насъ... Для Григорія Великаго на русскомъ языкѣ существуетъ всего лишь одно изслѣдованіе проф. Цѣвницкаго, который, также, не смотря на то, что прямо имѣлъ дѣло съ главнѣйшими твореніями св. Григорія, каковы „Moralia“ — толкованія на кн. Іова, — не рѣшился коснуться основныхъ вопросовъ его догматики, — его ученія, напр., о благодати и предопредѣленіи...

Единственный вопросъ прямо догматическаго характера, подробно обследованный мною въ „Собесѣдованіяхъ“ св. Григорія Великаго, касается ученія о временныхъ наказаніяхъ за гробомъ, объ огнѣ очищенія и о молитвахъ за умершихъ. Я долженъ былъ остановиться на этомъ вопросѣ, прежде всего потому, что съ нимъ единственно связывается нѣкоторое историко-догматическое значеніе за этимъ святоотеческимъ твореніемъ церковной литературы, а также потому, что имъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется и значеніе этого произведенія по отношенію къ средневѣковой агіологии и эсхатологии.

Средневѣковые богословы — какъ догматисты, такъ и не догматисты, начиная съ VII в., въ подтвержденіе своихъ мыслей объ огнѣ очищенія, въ числѣ святоотеческихъ свидѣтельствъ, приводятъ уже большою частію соответственныя мѣста изъ „Собесѣдовацій“ св. Григорія. Въ длинныхъ богословскихъ пререканіяхъ, относительно ученія о чистилищѣ въ XV, XVI и XVII в., защитники какъ и противники этого ученія постоянно обращались къ нѣкоторымъ главамъ IV книги „Собесѣдовацій“, которыя для однихъ являлись въ качествѣ положительнаго святоотеческаго свидѣтельства за это ученіе, для другихъ, какъ напр., для грековъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ въ нѣкоторомъ родѣ пунктомъ преткновенія, обойти который, повидимому, не представлялось возможности, не лишая это произведеніе общепризнаннаго за нимъ значенія „святоотеческаго“. Равнымъ образомъ, и въ позднѣйшее время не только католическіе и протестантскіе богословы, но даже наши православные, хотя послѣдніе не рѣшительно, но допускаютъ, что въ „Собесѣдованіяхъ“, слѣдовательно, въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ церковно-учительныхъ памятниковъ древности, ученіе о

чистилищномъ огнѣ—*ignis purgatorius*—имѣеть для себя подтвержденіе. Американецъ Вильямъ Алджеръ, авторъ извѣстнаго труда—*Критическая исторія ученія о будущей жизни*—съ рѣшительностію утверждаетъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ „Собесѣдованія“ св. Григорія, что „папа Григорій Вел., какъ онъ говоритъ, въ VI в., построилъ, узаконилъ и далъ надлежащее догматическое значеніе ученію о чистилищѣ“¹⁾.

Нашъ православный догматистъ преосв. Филаретъ черниговскій, также въ виду „Собесѣдованій“ св. Григорія, пишетъ: „онъ первый сталъ говорить Западу объ огнѣ очистилищномъ, напрасно указывая на слова Писанія I Кор. III гл. 12 и 31 ст.“²⁾. Проф. Пѣвницкій въ своемъ сочиненіи о св. Григоріи Вел., соглашаясь съ этой мыслью, считаетъ, по его скромному и нѣсколько фигуральному выраженію, „одною изъ *обмолвокъ слова*... представленіе св. Григорія о чистилищномъ огнѣ...“³⁾. При такомъ положеніи даннаго вопроса въ отношеніяхъ именно къ „Собесѣдованіямъ“ св. Григорія Вел., я, насколько сумѣлъ, старался разъяснить его въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ въ „Собесѣдованіяхъ“. не разбрасываясь при этомъ по его длинной исторіи, а ставя въ прямую связь съ ученіемъ объ этомъ предметѣ бл. Августина, насколько оно изложено главнымъ образомъ въ его знаменитомъ твореніи о „Градѣ Божіемъ“—въ томъ самомъ твореніи, вліяніе котораго, по крайней мѣрѣ на IV книгу „Собесѣдованій“ св. Григорія, какъ мнѣ кажется, можно считать доказаннымъ.

И я пришелъ къ тому заключенію, что во всякомъ случаѣ, если и можно искать у кого-либо изъ отцовъ западной церкви начальныхъ и главныхъ историко-догматическихъ основаній для ученія о чистилищномъ огнѣ, то преимущественно у бл. Августина, и что если ученіе это или—представленіе объ немъ, дѣйствительно, было „одною изъ обмолвокъ слова“, какъ говорятъ проф. Пѣвницкій, говоря же точнѣе одною изъ „обмолвокъ мысли“ кого

¹⁾ Alger, A critical History of the Doctrine of a Future Life, 1871, стр. 404, 411.

²⁾ Филаретъ, Историч. уч. объ отцахъ Церкви, изд. 2, т. III, стр. 143.

³⁾ Св. Григорій Двоесловъ и пр., стр. 104.

нибудь изъ нихъ, то всего скорѣе именно бл. Августина, величайшаго богослова-мыслителя первыхъ вѣковъ христіанства на Западѣ, который, какъ извѣстно, нимало однако не стоялъ за непогрѣшимость своихъ личныхъ и частныхъ мнѣній, напротивъ, самъ въ духѣ истинно-философскаго пониманія, научалъ такъ смотрѣть на свои произведенія: „Sane cum in omnibus litteris meis,—говоритъ онъ въ трактатѣ о св. Троицѣ (III, 2)—non solum pium lectorem, sed etiam liberum correctorem disiderem, multo maxime in his, ubi ipsa magnitudo questionis utinam tam multos inventores habere posset, quam multos contradictores habet. Verum tamen sicut lectorem meum nolo mihi esse deditum, ita correctorem nolo sibi. Ille me non amet amplius quam catholicam fidem, iste se non amet amplius quam catholicam veritatem. Sicut illi dico, noli meis litteris quasi Scripturis canonicis inservire; sed in illis et quod non credebas, cum inveniris, incunstanter crede, in istis autem quod certum non habebas, nisi certum intellexeris, noli firmiter retinere: ita illi dico, noli meas litteras ex tua opinione vel contentione sed ex divina lectione vel inconcussa ratione corrigere“¹⁾...

Я показываю въ своемъ сочиненіи, что и въ „Собесѣдованіяхъ“ въ ученіи о нерѣшенномъ состояніи чловѣка за гробомъ и объ огнѣ очищенія, Григорій Вел. съ теоретически-богословской

¹⁾ Подлинно, для всѣхъ своихъ книжныхъ произведеній желалъ бы я не только набожнаго читателя, но и свободнаго испытателя-справщика, особенно тамъ, гдѣ самое величіе вопроса можетъ вызывать столь же многихъ изыскателей, сколь многихъ имѣть и возражателей. Я не хочу, однако, чтобы тотъ и другой были безусловно за меня—были мнѣ преданы, потому что въ такомъ случаѣ первый, набожный читатель мой, показалъ бы, что меня онъ больше любитъ, нежели вѣру вселенскую — католическую, а второй — что себя онъ больше любитъ, а не католическую истину. Не смотри на мои произведенія, какъ на каноническія книги св. Писанія, говорю я первому изъ нихъ, въ сихъ, т. е. въ книгахъ св. Писанія, еслибъ я нашелъ ты что-нибудь, чему затрудился бы дать вѣру, вѣрь безпрекословно; въ моихъ же книжныхъ трудахъ не отстаивай упорно то, что не есть доказанное и несомнѣнное или что, по твоему пониманію, не можетъ быть таковымъ. Такъ и второго изъ своихъ читателей, свободно испытующаго мои произведенія, я прошу—исправляй ихъ, но не по твоему личному мнѣнію или предубѣжденію, а на основаніи св. Писанія или неоспоримыхъ доводовъ разума...

стороны оставляет спорные вопросы въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ встрѣчаемъ ихъ у бл. Августина, не стоитъ за догматичность приводимаго имъ ученія, а просто высказываетъ свое мнѣніе, причемъ относительно спорныхъ вопросовъ и у него также явственно слышится чисто августиновское—*"non redarguo, forsitan verum est"*—не отрицаю, можетъ быть это истина, а можетъ быть и нѣтъ*. Римско-католическій догматъ объ огнѣ очищенія, а затѣмъ и о чистилищѣ, съ разнаго рода отпущеніями—индульгенціями, святоотеческія свидѣтельства, въ пользу котораго католическіе богословы отыскиваютъ не у одного Григорія Вел. или бл. Августина, но и у всѣхъ почти другихъ отцовъ церкви, догматъ этотъ въ сущности—во всей своей постановкѣ и разработкѣ—продуктъ средневѣковаго и въ частности схоластическаго богословія. Зная при этомъ церковно-общественную жизнь Запада средних вѣковъ, зная ту легкость, съ какою въ средніе вѣка подъ прикрытіемъ авторитета приводилась всякая догма, выгодная для усиленія вліянія духовенства, можно сказать съ увѣренностію, что не будь имени Григорія Вел. подъ ученіемъ о чистилищномъ огнѣ, все равно—ученіе о чистилищѣ явилось бы подъ другимъ именемъ, столь же авторитетнымъ и въ немъ не произошло бы ни малѣйшаго измѣненія—ни въ сущности, ни въ доводахъ, потому что въ своихъ главныхъ чертахъ оно, дѣйствительно созданіе средних вѣковъ. Однако, прежде чѣмъ это ученіе появилось на западѣ въ видѣ опредѣленной догмы, разработанной въ трудахъ богослововъ-схоластиковъ, оно незамѣтно, мало по малу, но дѣятельно развивалось на почвѣ различныхъ агіологически-эсхатологическихъ сказаній и нѣкоторыхъ церковно-обрядовыхъ установленій, имѣвшихъ отношеніе къ загробной участи усопшихъ. Дѣйствительность одного лишь такого факта, какъ цѣлый циклъ легендарныхъ сказаній о чистилищѣ св. Патрика, путешествія къ этому чистилищу на край западнаго свѣта—въ Ирландію и обряды, которыми сопровождались странствованія по чистилищу не мысленно только или въ фантазіи, но и реально, съ доказательными королевскими грамотами, по возвращеніи изъ него, показываетъ, какимъ путемъ развивалось это ученіе. Но можно ли отвѣтственность за это возла-

гать на св. Григорія Вел. или какого-либо изъ великихъ отцовъ церкви только потому, что въ ихъ твореніяхъ по вопросамъ эсхатологическимъ встрѣчаются такія или иныя мнѣнія, за истинность которыхъ они сами не ручаются? Впрочемъ, хорошо извѣстно, что въ средніе вѣка. богословская мысль которыхъ такъ много обязана твореніямъ бл. Августина,—вышеприведенная просьба его—понимать и истолковывать святоотеческія творенія не по личному усмотрѣнію или предубѣжденію, а въ согласіи съ ученіемъ Слова Божія и неоспоримыми доводами разума — менѣе, чѣмъ когда-либо имѣла мѣсто, и потому удивляться тутъ нечему... Такимъ образомъ, вопросъ объ *ignis purgatorius*, затронутый въ содержаніи „Собесѣдованій“ св. Григорія, представлялъ для меня интересъ, какъ въ своемъ специально-церковномъ или если угодно полемически-догматическомъ значеніи, такъ и потому, что это—одинъ изъ важнѣйшихъ въ средневѣковой агіологической эсхатологіи, историко-литературныя отношенія къ которой этого произведенія я имѣлъ въ виду показать...

Вслѣдъ за изложеніемъ общаго ученія Григорія Вел. о загробной жизни, насколько это нужно было для уясненія содержанія IV книги „Собесѣдованій“, я перехожу къ своей ближайшей задачѣ—къ обследованію эсхатологическихъ разсказовъ изъ „Собесѣдованій“ св. Григорія, съ принятой мною точки зрѣнія, и къ изложенію ихъ литературной исторіи. Но и здѣсь точно также, какъ и въ вопросъ объ „*ignis purgatorius*“ я считалъ нужнымъ прежде всего установить, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ существенныхъ чертахъ общее отношеніе не только къ содержанію, но и къ самой формѣ сообщаемого въ этихъ разсказахъ — къ тѣмъ образамъ и картинамъ, какими изображается въ нихъ загробный міръ. Столь гордо выставляемое въ наше время, такъ называемое, сравнительное изученіе въ области языка, мѣта, народной психологіи, литературъ и исторіи религій, коснулось уже и области христіанскаго ученія о безсмертіи души и о загробной жизни. Собирая разрозненныя черты изъ различныхъ религіозныхъ вѣрованій и, путемъ сравненія, восходя отъ отдѣльныхъ представленій о загробной жизни къ обобщеніямъ и выводамъ и относительно хри-

стіанскаго ученія о безсмертіи, изслѣдователи этого направленія, въ родѣ напр. самаго новѣйшаго cultur-historic'a изъ школы сравнительнаго изученія — пѣмца Динерта стараются лишить это ученіе его отличительнаго богооткровеннаго характера, при чемъ. разумѣется, широкое мѣсто отводить и столь излюбленнымъ въ наше время гипотезамъ разнаго рода заимствованій. Въ дѣйствительности, опыты такого изученія не только не ведутъ къ цѣлямъ, враждебнымъ христіанству, въ каковыхъ они предпринимались и предпринимаются, но и приводятъ прямо къ противному — къ признанію факта, что для сравненія приходится брать величины въ основаніяхъ несовмѣримыя — христ. богооткровенное ученіе и натуралистически-пантеистическое, каковы по существу всѣ языческія религіозныя вѣрованія, что гипотеза заимствованій при этомъ просто нелѣпость, какъ напр. относительно христіанскаго ученія о всеобщемъ воскресеніи въ концѣ міра, что, наконецъ, сходство въ отдѣльных чертахъ ученія — въ образахъ и картинахъ, въ которые оно облеклось, явленіе чисто внѣшнее, не касающееся основъ ученія и міросозерпанія. Къ признанію этого факта мало по малу начинаютъ приходиться даже и сами представители сравнительно-историческаго изученія религіозныхъ вѣрованій, по шѣрѣ того какъ увлеченіе новизною минуты, въ виду недавно едѣлавшагося доступнымъ наукѣ обширнаго и интереснѣйшаго матеріала, ослабѣваетъ и мѣсто легкомысленнаго предубѣжденія заступаетъ серьезное и непредубѣжденное научное отношеніе къ добытымъ уже результатамъ. Тѣмъ не менѣе, опыты такого изученія и обобщенія, каковы выводятся на основаніи его, неизбѣжно итѣть въ виду и при изученіи христіанской эсхатологіи. Особенно же нужно сказать это о томъ кругѣ эсхатологическихъ данныхъ, который предлежалъ моему изученію, — данныхъ агіологии и агіологической эсхатологіи. Тутъ собственно не съ принципами приходится имѣть дѣло, не съ общими положеніями и послѣдовательнымъ раскрытіемъ и уясненіемъ ихъ, а съ такъ называемыми „свидѣтельствами отъ факта“, которыми потусторонній загробный міръ — міръ высшаго отвлеченія и созерпанія живописуется яркими чертами. Взятыми отъ міра сего и отъ сей жизни, чертами, которыя хотя и сѣтъ только „образы

вещей—*imagines rerum**, по словам св. Григорія Великаго, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ представляютъ живую реальную картину, доступную чувственному воспріятію, а чрезъ него и „ограниченному пониманію нашему“, какъ говорятъ тотъ же св. отецъ (Діал. IV, 31 и 37). Но вѣра въ безсмертіе—всеобщій фактъ, а связанныя съ нею представленія о загробномъ мірѣ всюду, начиная съ самыхъ младенческихъ народовъ и до самыхъ культурныхъ въ дохристіанскомъ мірѣ, выражалась также въ свидѣтельствахъ отъ факта—въ образахъ вещей или же въ образно-поэтич. представленіяхъ, открывающихъ много сходныхъ чертъ съ тѣми, какими изображается загробный міръ, какъ въ агіологіи вообще, такъ особенно и спеціально въ эсхатологическихъ памятникахъ христіанской агіологіи, а въ связи съ нею и въ памятникахъ христіанскаго искусства. Изучающій памятники этого рода, къ числу которыхъ по агіологіи относятся „Собесѣдованія св. Григорія, не можетъ пройти мимо даннаго факта, не указавши его значимости, какъ въ основаніяхъ такъ и въ частныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ это, представивши кратко, въ самыхъ существенныхъ чертахъ, дохристіанскую эсхатологію, сравнительно съ христіанской агіологической, — заключеніе. къ какому я пришелъ въ этомъ случаѣ, изложено мною въ 2-хъ изъ моихъ положеній, а именно: „въ изображеніи загробнаго міра по рассказамъ „Собесѣдованій“ св. Григорія, а въ связи съ ними и въ памятникахъ древне-христіанской агіологической эсхатологіи можно находить черты сходства съ образно-поэтическими представленіями общей до христіанской эсхатологіи, но въ основѣ и въ своемъ историческомъ развитіи первые стоятъ внѣ связи и зависимости отъ послѣднихъ“...

Для историко-литературнаго собственно изученія избранное мною произведеніе изъ свято-отеческой литературы представляетъ драгоценнѣйшій памятникъ, щедро вознаграждающій изслѣдователя за всѣ трудности, какія онъ долженъ преодолѣть по нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ его изученіемъ... Въ немъ, не смотря на отрѣшенность содержанія отъ всего земнаго и исключительность формы, ярко отразились и личные черты его автора, и его вѣкъ. Въ священномъ авторѣ этого произведенія, который и самъ по мѣстамъ

лѣтѣнія сучаснѣя въ міровоззрѣніи и жизни, и тутъ же страшныя пагубныя бѣдствія, бѣдствія безъ конца, а на другой сторонѣ—тихая обитель мира. монастырь, множество монастырей, являвшихся уже не только средоточіемъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, знанія и просвѣщенія, но и начавшихъ оказывать во-вѣкъ, въ міру свое высоко-благотворное и просвѣтительное и гуманно-воспитательное вліяніе. Вотъ черты, въ какихъ рисуется въ разсказахъ „Собесѣдованій“ св. Григорія его время, производящія тѣмъ большее впечатлѣніе, что онѣ не стоятъ на первомъ планѣ, скрываются за величіемъ тѣхъ идей и образовъ, которыми поглощено все его вниманіе,—напротивъ, онѣ незамѣтны и незамѣтно, независимо отъ него, какъ-то такъ, сами собою выступаютъ для изслѣдователя на видъ и вызываютъ глубокой интересъ...

Въ отношеніи содержанія и формы „Собесѣдованія“ св. Григорія для историко-литературнаго изученія имѣютъ то особенное преимущество, что представляютъ возможность разсматривать его не изолированно, не какъ отдѣльное произведеніе, а какъ одно изъ цѣлаго ряда однородныхъ съ нимъ, появившихся въ церковной литературѣ еще до него—въ вѣка христіанской древности, и въ послѣдующее время, въ средніе вѣка, когда оно пользовалось значеніемъ вполне церковно-учительнаго свято-отеческаго творенія. Я такъ просматривалъ его, и особенно имѣлъ въ виду уяснить его отношеніе къ памятникамъ средневѣковой агіологіи, въ частности же его эсхатологическихъ разсказовъ къ средневѣковымъ такъ называемымъ „*Visiones*“, для которыхъ оно считается однимъ изъ церковныхъ источниковъ и которыя въ свою очередь стоятъ въ числѣ ближайшихъ литературныхъ источниковъ для „*Divina Comedia*“ Данте. Въ сожалѣнію, подавляющая масса агіологическаго матеріала, еще почти не разобраннымъ и не разработаннымъ научно, не дозволила мнѣ сдѣлать все, что требовалось моей задачей въ этомъ направленіи, равно какъ отчасти по той же причинѣ я долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія прослѣдить судьбу „Собесѣдованій“ св. Григорія въ византійской и церковно-славянской литературѣ: для такой работы требуется особое изслѣдованіе. У насъ, въ старину, „Собесѣдованія“ св. Григорія были одною изъ

извѣстнѣйшихъ церковно-учительныхъ книгъ: изъ нея предлагались отдѣльныя чтенія въ разные дни въ церкви, ее читали и за монастырской трапезой, и въ домахъ набожныхъ мірянъ. Въ печатномъ Прологѣ, по изданію 1589 г., помѣщено изъ „Собесѣдованій“, а главнымъ образомъ изъ IV книги — 14 рассказовъ, въ числѣ которыхъ есть и тѣ главы, которыя служатъ предметомъ пререканій по вопросу о чистилищѣ, въ Прологахъ рукописныхъ, а затѣмъ и въ Макарьевскихъ Четьи-Минейхъ этихъ чтеній еще больше: такъ, въ одномъ Кириловскомъ Прологѣ я насчиталъ ихъ до 24, а въ Четьи-Миней Макарія вошли чуть не цѣликомъ всѣ четыре книги „Собесѣдованій“. Разумѣется, въ старину у насъ это свято-отеческое твореніе никакихъ сомнѣній, пререканій и изысканій не вызывало и никакихъ со стороны набожныхъ русскихъ людей—ни „inventores“, ни „contradictores“, употребляя вышеприведенныя слова бл. Августина, оно не имѣло, по крайней мѣрѣ о таковыхъ я ничего не знаю. Но въ новѣйшее время, въ нашей духовной литературѣ и, пожалуй, въ богословской наукѣ отношеніе къ нему, нельзя сказать, чтобы было ясное и достаточно опредѣленное: съ одной стороны, по вопросамъ эсхатологии оно пользуется всецѣло авторитетнымъ значеніемъ свято-отеческаго творенія и въ изложеніи ученія, напр., о молитвахъ за умершихъ изъ него приводятся тѣ самыя главы, въ которыхъ говорится объ огнѣ очищенія, какъ приводятся они и въ нашихъ синодикахъ, особенно раскольничьихъ, а съ другой стороны по поводу этихъ же самыхъ главъ дѣлаются отзымы въ родѣ вышеприведеннаго преосв. Филарета черниговскаго, проф. Пѣвницкаго и др. Но этого мало. Недавно проф. Петровъ въ своей докторской диссертациі о печатномъ Прологѣ, коснувшись въ числѣ другихъ патериковъ и „Собесѣдованій“, какъ однороднаго съ ними произведенія, выразилъ даже такой взглядъ, что въ сообщаемыхъ въ немъ рассказахъ въ ученіи и въ правоученіи замѣтны слѣды новоплатонизма ¹⁾. На чемъ основанъ такой взглядъ, я не могъ до-

¹⁾ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго Пролога, стр. 161—164.

искаться, такъ какъ слѣдовъ ново-пифагореизма въ обследованномъ мною произведеніи не нашелъ, если не относить къ этимъ „слѣдамъ“ затронутый въ немъ вопросъ все о томъ же *ignis purgatorius*, но самая возможность такого взгляда уже показываетъ, что относительно этого произведенія въ нашей литературѣ существуетъ, дѣйствительно, довольно неопредѣленное представленіе и если мнѣ удалось до нѣкоторой степени установить болѣе правильное отношеніе къ нему, то думаю мой трудъ не будетъ бесполезенъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки